

Г. Кёхлер¹

ГЕОПОЛИТИКА И ЗАКОН НЕПРЕДНАМЕРЕННЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ. РИСКИ УНИЛАТЕРАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

I

В соответствии с общепринятой точкой зрения в конце XX века миропорядок вошел в фазу глубокой нестабильности из-за *отсутствия противовеса* — державы, которая уравновешивала бы силу самообъявленного победителя холодной войны². Однако нам еще предстоит оценить долгосрочные последствия такого развития событий для основанной на определенных правилах системы международных отношений — той, в защиту которой выступает Организация Объединенных Наций. Ничем не сдерживаемое применение силы глобальным гегемоном вполне может запустить *цепную реакцию* из-за заявлений о суверенитете и национальных интересах со стороны постоянно растущего числа государств, которые не готовы платить за «время однополярности»³ одной стра-

ны. То, что некоторые ожидали как «конец истории»⁴, стало фактором системной *волатильности* с риском глобальной анархии вместо вечного мира и процветания, обещанного апологетами «нового мирового порядка»⁵.

В этом геополитическом контексте политика силы, основанная на военной мощи, буквально означает всесторонние усилия гегемона для поддержания и сохранения своего доминирования над потенциальными соперниками, а также во всех регионах мира. В период после 11 сентября это было подкреплено доктриной, в соответствии с которой нельзя допустить такого баланса политических сил, при котором другая держава сможет достичь стратегического паритета с доминирующим игроком⁶. В отличие от традиционной *realpolitik* (реальной политики — нем.), когда суверенные государства действуют согласованно и сообща⁷, стратегия гегемона в сегодняшней *глобальной* среде означает *тотальную мобилизацию* потенциала страны во всех сферах — военной, политической, экономической, дипломатической и культурной⁸. Соответственно, на геополитику нельзя смотреть как на совместные усилия в русле «мирного сосуществования»; в нынешних условиях это *per se* (по сути, само по себе — лат.)

¹ Президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), почетный профессор Университета Инсбрука, бывший председатель Института философии, доктор философии. Автор 40 научных публикаций, в т. ч.: «Феноменологический реализм: избранные эссе», «Демократия и международное правовое государство. Предложения по альтернативному мировому порядку», «Концепция гуманитарного вмешательства в контексте современной политической власти», «Глобальная справедливость или глобальная месть? Международное криминальное законодательство на распутье», «Мусульмано-христианские связи в Европе. Прошлое, настоящее, будущее», «Совет Безопасности как исполнитель правосудия?», «Мировой порядок: видение и реальность» и др. Награжден Почетной медалью Австрийского общества вузов, Почетной медалью Международного бюро мира (Женева, Швейцария), Большой медалью Давида Непобедимого Армянской академии философии и др. Почетный доктор Государственного университета Минданао (Филиппины) и Армянского государственного педагогического университета. Почетный профессор Университета Памуккале (Турция). Член консультационного совета Академии культурной дипломатии (Берлин, Германия).

² См.: Köchler H. The State of Peace under the Conditions of a Unipolar World Order // Enlightenment on the Order of Coexistence: Collection of Records of the 9th International Forum on Lifelong Integrated Education / Nomura Center for Lifelong Integrated Education. Tokyo : Ichiyosha Co., 2009. P. 233–242.

³ Подробнее об этом понятии см. эссе одного из сторонников однополярной миссии США, высказывающегося наиболее смело и открыто: Krauthammer C. The Unipolar Moment Revisited // The National Interest. 2002. 1 December. URL: nationalinterest.org/article/the-unipolar-moment-revisited-391 (дата обращения: 01.03.2019).

⁴ Fukuyama F. The End of History? // The National Interest. 1989. Summer. P. 3–18 ; Idem. The End of History and the Last Man. N. Y. : The Free Press, 1992.

⁵ См. ссылки на «новый мировой порядок» в речи президента Джорджа Буша-старшего в начале войны в Персидском заливе 1991 г.: Public Papers of the Presidents of the United States: George Bush 1991, Book I : January 1 to June 30, 1991. Washington : United States Government Printing Office, 1992. P. 42–45.

⁶ Bush G. W. The National Security Strategy of the United States of America, September 2002. Washington, D. C. : The White House, 2002.

⁷ Так обстояли дела в отношении суверенных национальных государств после Вестфальского мира. Для анализа концепции в контексте дебатов о современном мировом порядке см.: Kissinger H. World Order. N. Y. : Penguin Books, 2014. Ch. 1 : The Operation of the Westphalian System.

⁸ Понятие «мягкая сила», введенное Джозефом Наем и сложившееся во время однополярности, свидетельствует об этом подходе (см.: Soft Power: The Means to Success in World Politics. N. Y. : Public Affairs, 2004).

политика силы без ограничений¹. Работа Совета Безопасности ООН — органа, который, по идее основатель организации, должен служить гарантом соблюдения законов и обеспечивать их соблюдение государствами, — парализована, и становится очевидно, что закон силы не только подорвал, но и в значительной степени заменил силу закона во взаимоотношениях между государствами².

Теперь, когда прошло более четверти века после перехода от биполярного мира к однополярному, то есть после системного сдвига от равновесия сил к его отсутствию, мы видим нарастающее несоответствие между *односторонним* действием и *многополярным* переформатированным мировым порядком. Это результат позиции, характерной для политики держав-гегемонов на протяжении всей истории: «уход от реальности» во время триумфа. Гегемон основывает свою стратегию на ложной надежде, что после того, как он достигнет доминирующего положения, это будет длиться вечно, если только предпринимать необходимые усилия и пресекать возвышение других держав, как только оно будет замечено³. Однако попытки остановить историю всегда были сизифовым трудом в мире, который находится в состоянии постоянного изменения; фактически это невозможно. Гегемон, нацеленный сохранить статус-кво, запускает процесс, который ведет к его собственной кончине. Политика тех, кто стремится сделать свою власть вечной, саморазрушительна и обречена на провал, что со всей очевидностью показывают эти стратегические расчеты.

На протяжении всей истории державы-гегемоны не только недооценивали, но и игнорировали «эффект отдачи» при утверждении своего главенства⁴ (в большинстве случаев это идеологически подкреплялось претензиями на их незаменимость⁵). В соответствии с принципом *actio-reactio* (действие рождает противодействие — *лат.*), который определяет человеческое поведение — и индивидуума, и любой общности, утверждение гегемонии, то есть упорство определенного государства в сохранении однополярной констелляции, что выгодно только одному этому государству, неизбежно культивирует неприятие и сопротивление

¹ См.: Köchler H. The Politics of Global Powers // The Global Community : Yearbook of International Law and Jurisprudence. 2009. Vol. I. P. 173–201.

² О лежащих в основе противоречиях см.: Köchler H. The United Nations and Global Power Politics: The Antagonism between Power and Law and the Future of World Order // Chinese Journal of International Law. 2006. Vol. 5, № 2. P. 323–340.

³ Речь идет о доктрине безопасности президента Джорджа Буша-младшего (см.: The National Security Strategy of the United States of America. 2002, Sept.). «Мы должны строить нашу оборону так, чтобы нам не могли бросить вызов»; «Наши вооруженные силы должны отбивать охоту военного соперничества в будущем» (гл. IX).

⁴ Об изучении этого вопроса относительно США см.: Johnson C. The Cost and Consequences of American Empire. N. Y. : Metropolitan Books, 2000.

⁵ Во время дебатов о последствиях войны в Персидском заливе 1991 года Государственный секретарь США Мадлен Олбрайт произнесла знаменитую фразу о США, которые «видели свою роль в качестве незаменимой нации» (Secretary of State Madeleine K. Albright, Secretary of Defense William S. Cohen, and National Security Advisor Samuel R. Berger — Remarks at Town Hall Meeting, Ohio State University, Columbus, Ohio, February 18, 1998. As released by the Office of the Spokesman, February 20, 1998. U. S. Department of State).

тех, от кого ожидают подчинения гегемону. Таким образом, главенствующее положение, которое утверждается агрессивно и напористо через интервенцию, будь то военными или какими-то другими средствами одностороннего принуждения, как, например, санкции⁶, может в конце концов запустить развитие в направлении *нового баланса сил*, биполярного или многополярного. Сейчас мы живем в период после окончания холодной войны, и при нынешних обстоятельствах последний вариант представляется более вероятным, хотя и он будет достигнут ценой долгосрочной нестабильности.

II

В начале XXI века *однополярность* мирового расклада сил постепенно трансформируется в *многополярную* констелляцию. Исключительно *односторонняя* стратегия доминирующей державы, отказывающейся интегрироваться в многостороннюю структуру, еще сильнее подорвала устойчивость своего привилегированного положения⁷. И опять же, в наш век империалистическая держава сталкивается с «законом непреднамеренных последствий», который в разные исторические периоды сопровождал описанный выше *уход от реальности* и от которого страдали все великие державы.

Начиная с 1990-х годов, после внезапного конца глобальной биполярности, стратегия США по сохранению статус-кво породила события, которые дестабилизировали геополитически чувствительные регионы и подорвали и так шаткий консенсус, воплощенный в Уставе ООН, на основании которого строилась система коллективной безопасности после окончания Второй мировой войны. Однако *унилатерализм* военных интервенций, часто представляемых (и оправдываемых) как «гуманитарные»⁸, агрессивно навязываемых экстерриториальных санкций и крупномасштабных операций, нацеленных на «смену режима», включая методы гибридной войны, в конечном счете привел к драматическим последствиям. Конфликты в таких странах, как Афганистан, Ирак, Ливия или Сирия, создали *вакуум власти* в этих и соседних регионах. Такое развитие событий в конце концов убедило региональных и глобальных акторов в необходимости вступить в новые альянсы, и это был вызов гегемонии, который в противном случае мог быть и не брошен, по крайней мере, ситуация не достигла бы такого накала.

Имперская (или, точнее, империалистическая) стратегия дестабилизации была не только недальновидной,

⁶ О масштабах американской политики санкций и ее дестабилизирующем влиянии на мировой порядок см.: Köchler H. Sanctions and International Law. Economic Sanctions, Global Governance and the Future of World Order // Int. Organ. Res. Journal. 2019. Special Is. (Forthcoming).

⁷ О концептуальном различии между однополярной (в отличие от би- или многополярной) расстановкой политических сил и односторонним (в отличие от дву- или многостороннего) действием (или стратегией) см.: Köchler H. Internationale Beziehungen in einer multipolaren Welt // Zeit-Fragen. 26th Year. № 24. Zurich, 2018. 23 Oct. P. 1–2.

⁸ Подробнее см.: Köchler H. The Concept of Humanitarian Intervention in the Context of Modern Power Politics: Is the Revival of the Doctrine of «Just War» Compatible with the International Rule of Law? // Studies in International Relations. Vienna : International Progress Organization, 2001. Vol. XXVI.

но и в конечном счете саморазрушительной. Новый порядок не возник из хаоса: были созданы новые «линии разлома», где разгорелись конфликты, «столкновение цивилизаций» Хантингтона¹ стало самореализующимся пророчеством, а существующие многосторонние механизмы для управления нестабильностью, как, например, ООН, по большей части перестали работать или справляться со своими обязанностями². Односторонняя политика, нацеленная на сохранение однополярности, также поставила под угрозу процесс разоружения и нераспространения оружия массового поражения, в частности выполнение Договора о нераспространении ядерного оружия. Долгосрочная нестабильность и риск серьезной военной конфронтации, будь то непосредственно между крупнейшими державами или как непрямая конфронтация в форме «войн марионеток», являются очевидной ценой, которую приходится платить за гегемонистское господство.

Контраст между предполагаемыми результатами и непредвиденными последствиями односторонней политики вмешательства не мог бы быть большим. Предполагалось усилить превосходство и доминирующее положение, достигнутое после окончания холодной войны, путем дестабилизации порядка в регионах, расположенных в разных частях света. Была надежда, что это приведет к некоему «творческому хаосу», из которого гегемон сможет сформировать порядок на свой вкус, систему «глобального управления», которая в первую очередь будет отражать интересы ее создателя. Однако, как и в истории многих империй прошлого, иррациональное по сути стремление к власти дало противоположный результат. Оно создало новые точки сопротивления в регионах и усилило решимость стран и народов объединить свои силы против совсем не мягкого и не благотворного доминирования, причем не только в своих регионах, но и на глобальном уровне.

Непредвиденным последствием стало стратегическое ослабление приписываемого себе Соединенными Штатами положения мирового лидера вместе с еще более мощным вызовом, брошенным упорным утверждениям об идеологическом превосходстве, включая претензию на определение мировой повестки дня в плане демократии, прав человека и верховенства закона. Збигнев Бжезинский, один из ведущих стратегических умов в нескольких американских администрациях начиная с эпохи Картера, признавал новую реальность и предлагал, чтобы США во имя *realpolitik* рассмотрели некий вариант «глобального переустройства». Он предлагал США объединиться на равноправной основе с другими державами, такими как Китай и Россия,

¹ Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72, № 3 (Summer). P. 22–49. Об общей оценке с точки зрения мирового порядка см.: Köchler H. Clash of Civilizations // The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social Theory / eds. B. S. Turner, K.-S. Chang, C. F. Epstein, P. Kivisto, Ryan J. M., W. Outhwaite. Chichester, West Sussex (UK) : Wiley-Blackwell, 2017. Vol. I. P. 1–3.

² О затруднительном положении Совета Безопасности как защитника мира см.: Köchler H. The United Nations Organization and International Legitimacy: Reflections on the Role of the Security Council. I.P.O. Online Papers. Vienna : International Progress Organization, 2011. URL: http://www.i-p-o.org/Koehler-Security_Council-int_legitimacy-IPO-OP-2011.htm.

для сохранения глобальной стабильности через новую многополярную архитектуру³.

Всесторонняя оценка, ставшая основой этого предложения, была дана Стивеном М. Уолтом при анализе американской стратегической политики, в частности в период после окончания холодной войны⁴. Он убедительно ее обосновывает, а также показывает, как провалилась американская имперская стратегия «либеральной гегемонии»⁵, признавая, что интервенционистская политика (во имя того, что США определяют как «свобода») только «умножила количество врагов» и «дестабилизировала ключевые регионы мира»⁶. Автор настоящей работы дал эту оценку ранее⁸. Анализируя структуру «глубинной власти» в США, Майкл Дж. Гленнон объясняет, что такой подход к американской внешней политике устойчиво сохраняется, несмотря на идеологическую ориентацию администрации⁹.

По нашей оценке развития событий в период после холодной войны, США нацелились «взять на себя мировое лидерство»¹⁰ и в самом деле начали самонадеянный и идеологически небезупречный¹¹ проект национального строительства, который в ретроспективе по сути оказался «разрушением нации» с неожиданным последствием — «стратегическим ответным ударом».

Во имя «нового мирового порядка», элементы которого определялись высоким гуманитарным стилем¹², американская внешняя политика нарушила фундаментальные принципы международного права, подорвав сам порядок, на котором основана система норм Организации Объединенных Наций. Противоречивая ин-

³ Brzezinski Z. Toward a Global Realignment // The American Interest. 2016. Vol. 11, № 6. July/August. P. 1–3. URL: <https://www.the-american-interest.com/2016/04/17/toward-a-global-realignment/>. Рассматривая угрозы от оружия массового поражения, находящегося в руках все большего количества стран, он утверждает: «It behooves the United States to fashion a policy in which at least one of the two potentially threatening states [China, Russia. — H. K.] becomes a partner in the quest for regional and then wider global stability...»

⁴ Walt S. M. The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of U.S. Primacy. N. Y. : Farrar, Straus and Giroux, 2018.

⁵ Ibid. P. xi.

⁶ О лежащей в основе доктрине или идеологии «гуманитарной интервенции» см.: Köchler H. The Concept of Humanitarian Intervention in the Context of Modern Power Politics.

⁷ Walt S. M. Op. cit. P. 255.

⁸ О стратегии на Ближнем Востоке, в частности, см.: Köchler H. Introduction // The Iraq Crisis and the United Nations: Power Politics vs. the International Rule of Law. Vienna : International Progress Organization, 2004. P. 7–14.

⁹ Glennon M. J. National Security and Double Government. Oxford etc. : Oxford Univ. Press, 2015.

¹⁰ Walt S. M. Op. cit. P. 137.

¹¹ Нигде нет точного определения идеологического понятия «либерализм». На фоне излишнего использования военной силы (для обозначения которой используется эвфемизм «жесткая сила», чтобы отделить ее от «мягкой силы») термин «свобода» остается двусмысленным и часто неправильно употребляется в защиту плохо проработанной повестки дня в случае политики силы.

¹² «У нас есть возможность сформировать для себя и для будущих поколений новый мировой порядок — мир, где правовые нормы, а не закон джунглей, управляют поведением стран» (см.: President George H. W. Bush. Address to the Nation Announcing Allied Military Action in the Persian Gulf, January 16, 1991 // Public Papers of the Presidents of the United States: George Bush 1991. P. 44 ; Köchler H. Democracy and the New World Order: Studies in International Relations. Vol. XIX. Vienna : International Progress Organization, 1993).

терпретация национальной суверенности, которая идет вразрез с принципом «суверенного равенства» государств, предусмотренным Уставом ООН (ст. 2.1)¹, была неоднократно использована для оправдания военных интервенций и других форм вмешательства во внутренние дела государств — членов ООН. Это фактически сделало бессмысленной концепцию «верховенства международного права».

Стивен Уолт убедительно и подробно описывает провал американских стратегий в период после трагедии 11 сентября. Однако неудачу потерпели не «благие намерения» (как вроде бы можно предположить из названия книги), а тщательно спланированная грандиозная стратегия по дестабилизации и разрушению политического и общественного порядка в важнейших регионах, таких как Ближний Восток², что в конце концов привело к непредвиденным для США последствиям — подрыву статуса гегемона. Самопровозглашенный гегемон показал себя неспособным сдерживать последствия этой интервенционистской политики.

В качестве «высшей альтернативы» этой саморазрушительной либеральной политики вмешательства Уолт предлагает то, что другие ранее называли стратегией «офшорного балансирования»³. Фактически это современная версия древнего принципа имперской политики *divide et impera* (разделяй и властвуй — лат.). Логическое обоснование этой стратегии состоит в том, что США следует, не доводя дело до военной интервенции, то есть без «высадки на берег» войск, использовать все другие доступные инструменты (политические, дипломатические, экономические и т. д.) для того, чтобы не дать другим государствам «разворачивать военное присутствие и демонстрировать силу таким образом, что это может угрожать США»⁴. В отношении политики страны в геополитически чувствительных регионах это означает, что она должна быть нацелена «на поддержание местного равновесия сил таким образом, что сильнейшее государство в этих регионах должно беспокоиться из-за одного или нескольких соседей и не иметь возможности рыскать в западном полушарии или любой другой зоне, которая считается жизненно важной для США»⁵.

Эта предполагаемая альтернатива жесткой силе при подходе к «либеральной гегемонии»⁶, тем не менее, основывается на интервенционистской идеологии, хотя и без идеологического оправдания (заявления о мни-

мом обязательстве или ответственности за защиту прав человека или продвижение демократии). В структурном плане эта стратегия хотя и является более реалистичной с точки зрения осторожности в отношении использования вооруженных сил, по-прежнему выражает неограниченное утверждение суверенности и претензии на доминирующее положение надо всем остальным миром. Логическое обоснование доминирования остается прежним. Меняется не стратегия, а только тактика. По сути, логика «офшорного балансирования» не сильно отличается от подхода Джорджа Буша-младшего к «Стратегии национальной безопасности» 2002 года⁷. «Превентивный» подход, нацеленный на исключение (с помощью тактики «разделяй и властвуй» или других методов) любой возможности приспособления к мировой расстановке политических сил, является по своей сути интервенционистским.

III

Несмотря на упорство державы-гегемона в попытке сохранения статус-кво, количество тех, кто бросает вызов однополярному порядку, постоянно растет. В соответствии с динамикой взаимоотношений держав, реакцией на то, что на более широком историческом фоне может показаться арьергардными боями империи, проявляются все более сложные рамки многостороннего сотрудничества. Это глобальное сотрудничество стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), Новый банк развития, учрежденный этими странами, ориентированная на свой регион Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)⁸, а также Евразийский союз. Эти недавно учрежденные многосторонние программы служат доказательством постепенно формирующегося многополярного равновесия сил.

С точки зрения *realpolitik* очевидной стратегией доминирующего мирового игрока является нейтрализация результата развития, указывающего в направлении многополярной системы, которая будет значительно сложнее, чем расстановка политических сил в предыдущие эпохи. Несмотря на торжественные заявления нынешней администрации США о приоритете национальных интересов над соображениями международной политики (под лозунгом «Америка прежде всего!»)⁹, гегемон тем не менее, как кажется, готов присоединиться к новым, конкурентным формам многостороннего сотрудничества, когда это отвечает его интересам. Такая идеологическая гибкость очевидна в том, что можно рассматривать как еще одну версию *divide et impera*, а именно формат сотрудничества,

⁷ Bush G. W. The National Security Strategy of the United States of America.

⁸ Подробнее см., в частности: The Shanghai Cooperation Organization and BRICS: The Roles of China, Russia (and India) / E. P. da Seixas [et al.] // BCP Monitor, Policy Brief. 2014. Vol. 4, № 11 (Oct.); Carvalho E. M. de. SCO and BRICS: Bridges to a Shared Future // Beijing Review. 2019. Mar. 2.

⁹ Для объяснения лозунга на основе взаимности см. первую речь президента Дональда Трампа на сессии Генеральной Ассамблеи ООН: «As President of the United States, I will always put America first, just like you, as the leaders of your countries will always, and should always, put your countries first» (Remarks by President Trump to the 72nd Session of the United Nations General Assembly, September 19, 2017. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-72nd-session-United-nations-general-assembly>).

¹ О проблеме противоречий с базовыми нормами Устава ООН см.: Köchler H. Normative Inconsistencies in the State System with Special Emphasis on International Law // The Global Community : Yearbook of International Law and Jurisprudence, 2016 / ed. G. Ziccardi Capaldo. Oxford : Oxford Univ. Press, 2017. P. 175–190.

² См., в частности, критический анализ: Kuehner T. J. A New Middle East? : a Report of FPRI's History Institute for Teachers // The Newsletter of FPRI's Marvin Wachman Fund for International Education. 2005. Vol. 10, № 1 (Jan.). USA : Foreign Policy Research Institute. URL: www.fpri.org/footnotes/101.200501.kuehner.new-middleeast.html.

³ Layne C. From Preponderance to Offshore Balancing: America's Future Grand Strategy // International Security. 1997. Vol. 22, № 1 (Summer). P. 86–124.

⁴ Walt S. M. Op. cit. P. 261.

⁵ Ibid. P. 262.

⁶ См. также: Mearsheimer J. J., Walt S. M. The Case for Offshore Balancing: A Superior U.S. Grand Strategy // Foreign Affairs. 2016. July/Aug. P. 70–83.

описанный как «четырёхсторонний альянс» (также именуемый акронимом «Quad») между США, Индией, Японией и Австралией¹. Очевидно, что главной целью этого «переустройства» является сдерживание Китая². Похоже, что принцип, лежащий в основе этой стратегии сдерживания: «враг моего врага — мой друг», — и это общепринятая точка зрения не только политики с позиции силы, но и всей борьбы за социальные преобразования в истории. Комментируя это третье мнение о *realpolitik* (между «либеральной» интервенционистской политикой и изоляционизмом), Роберт Каган предложил называть США «разбойничьей сверхдержавой» под руководством президента, который «готов отказаться от нравственных, идеологических и стратегических ограничений» ради продвижения национальных интересов³.

Кроме арьергардных боев империи, которая обрекает себя на квазимногостороннее участие⁴, когда это служит все перевешивающей стратегической цели поддержания превосходства⁵, страны на региональных уровнях постоянно формируют альянсы *ad hoc* (по ситуации, на данный случай — *лат.*). Их целью всегда является сохранение или обретение влияния путем сдерживания силы других государств. Этот сложный «параллелограмм» сил — взаимозависимость регионального и глобального развития — еще больше усиливает нестабильность и непредсказуемость мирового порядка.

Заключение

Напряженность и конфликты, которые являются результатом использования по сути односторонней стратегии при все более многополярной расстановке политических сил, будут определять судьбу мирового порядка в XXI веке, а если говорить о ближайшем времени, то перспективы Организации Объединенных Наций. Мобилизация всех ресурсов «жесткой» и «мягкой» силы, чтобы не позволить потенциальным соперникам сомневаться в существующем порядке (который выгоден только им), всегда была приоритетом крупнейших игроков как на региональных, так и на глобальном уровнях⁶. Это природа *власти* как выражения и организации *коллективной воли*, когда суверенные национальные государства действуют согласованно и сообща. Однако, пытаясь остановить историю, гегемон настоящего времени рискует свести на нет и лишит смысла заявленную цель, а также разрушить фундамент, на котором он и все другие члены международного сообщества могут вести переговоры о своих интересах в духе взаимности и равноправия⁷. Это опасная ситуация, с которой мир сталкивается сегодня, в период перехода от биполярного к многополярному порядку через промежуточный однопольный период, который может оказаться короче, чем могли представить те, кто предсказывал «конец истории»⁸.

¹ Berkofsky A., Miracola S. (eds.) *Geopolitics by Other Means: The Indo-Pacific Reality*. ISPI. Milan : Ledizioni LediPublishing, 2019. Надо еще посмотреть, повлияет ли как-то заявление президента США о том, чтобы, в частности, положить конец льготным тарифам для Индии (Trump targets India and Turkey in trade crackdown // BBC Business. 2019. Mar. 5. URL: <https://www.bbc.com/news/business-47450224>), на это стратегическое сотрудничество.

² См. анализ Паоло Магри: «How will China respond at both the geo-economic and strategic levels to what it perceives to be a US-driven policy of encirclement and/or containment?»

³ Kagan R. Trump's America does not care // The Washington Post. 2018. June 14.

⁴ На уровне международных отношений «многосторонний», строго говоря, при противопоставлении «одностороннему» относится к совместному действию всех членов международного сообщества. Это также основа «коллективной безопасности» в рамках Организации Объединенных Наций. В контексте ООН любое действие одного государства или группы (альянса) государств является «односторонним».

⁵ В анализе Кристофера Лайна превосходство являлось основной стратегией США на протяжении всего периода после окончания Второй мировой войны. (См.: Layne C. *Op. cit.* P. 86.)

⁶ См.: Köchler H. *The Politics of Global Powers*.

⁷ Именно эта идея лежит в основе системы коллективной безопасности ООН (см., в частности: Wilson G. *The United Nations and Collective Security*. Abingdon, Oxon : Routledge, 2014).

⁸ Fukuyama F. *Op. cit.*